

Проф. др Иван А. ЧАРОТА
(Беларусь)

ШОЛОХОВ И БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (К основным аспектам проблемы)

Творчество М. А. Шолохова на протяжении более чем полувека являлось заметным фактором развития как русской, так и ряда инонациональных литератур. В каждом отдельном случае, разумеется, восприятие и освоение творческого опыта выдающегося русского писателя имело свои особенности. Поэтому настоятельная задача - изучение особенностей рецепции, без чего невозможно определить общие закономерности.

Давно и прочно вошел Шолохов в культуру Белоруссии. По многим свидетельствам, появление каждого из шолоховских произведений в Российских издательствах становилось событием и для нашей республики. Сразу же после выхода первой книги "Поднятой целины" группа переводчиков под руководством *С. Гайдука* подготовила белорусский перевод, который за три года (соответственно - 1934, 1935, 1936) имел три издания. В 1936 году известный поэт *В. Хадька* осуществил перевод трех книг "Тихого Дона", первая из которых переиздавалась еще и в 1940 году. На белорусский язык переведены также "Судьба человека" (переводчик *Я. Шароховский*), известные главы романа "Они сражались за Родину" (переводчик *М. Последович*), ряд рассказов (переводчики *Л. Соловей, Г. Клевко, С. Михальчук*). В Белоруссии произведения М. А. Шолохова неоднократно издавались также на русском языке отдельными книгами, отрывками в сборниках и органах периодической печати. По многим из них театры республики ставили спектакли - как на белорусском, так и на русском языках. Библиография белорусских шолоховедческих материалов насчитывает более 100 единиц. Темы этих публикаций - даже восприятие шолоховских произведений в Веймарской Германии, Югославии, тогда как основател-

ьных работ, непосредственно ставящих проблему "Шолохов и белорусская литература" до сих пор нет.

Не претендуя на всеохватность и полноту освещения, мы всетаки попытаемся очертить круг фактов, данную проблему определяющих.

В произведениях белорусских прозаиков второй половины 20-х годов и более позднего времени можно обнаружить ряд ситуаций, коллизий и образов, которые напоминают шолоховские. Возьмем, например, рассказы "Двое Жвировских" (1926) *М. Зарецкого*, "Товарищ Кунегин" (1927) *А. Дудара*, "Две тропы" (1927) *П. Головача*. Драматические конфликты, захватившие не только антагонистические классы, но и семьи - когда брат идет на брата, отец против сына - соотносятся так или иначе с концепцией М. А. Шолохова. Хотя даже в случаях явного сходства (когда, например, рассказ Головача "Две тропы" почти идентичен по своей структуре шолоховской "Родинке", к тому же и время его написания дает основания ставить вопрос о возможном влиянии), считать вторичными произведения белорусских авторов вряд ли правомерно. Во всяком случае, это не может быть убедительным без скрупулезного анализа и четкой дифференциации общественно-типологических, литературно-типологических сходжений и контактных связей, что объективно осложняется спецификой белорусско-русских взаимодействий в области культуры и литературы особенно.

В пристальном сравнении с шолоховской линией отражения революционных перемен в деревне нуждаются такие произведения, как "Межи" *С. Барановых*, "Язеп Крушинский" *З. Бядули*, "Переполох на загонах" и "Сквозь годы" *П. Головача*, "Перевясло" *М. Зарецкого*, "Отщепенец" *Я. Коласа*. Кстати, в связи с последним сделана попытка определить сходство и различия в образах крестьянина-середняка, созданных Шолоховым и Коласом¹. Сравняться могут и тематика, поставленные проблемы, и своеобразие коллизий, и позиции авторов в выборе и трактовке различных конфликтов, и уровень анализа как социальной, так и индивидуальной психологии, и типичность характеров, и особенности художественных структур, и поэтика. Но опять-таки, соотнося названные произведения с произведениями М. А. Шолохова, не следует забывать, что в период их появления творческие поиски многих представителей литератур народов СССР имели сходство, закономерно обусловленное пафосом времени, преобладающими тенденциями общественно-политического развития, а также общих идейно-эстетических ориентиров. И примечательно, что заметные сходжения обнаруживаются к примеру, у *М. Шолохова* и *Т. Гартного*,

¹ Коваленко. Т. В. Смысловое значение общего и отличительного в образах середняка в романе М. Шолохова "Поднятая целина" и повести Я. Коласа "Адшчапенец" /Творчая спадчына Янкі Купалы і Якуба Коласа і развіцце славянскіх моу і літаратур. Мн., 1982. С. 49-50.

Р. Мурашки, К. Чорного, несмотря на то, что каждый из названных белорусских писателей нес свою цепцию, вел свою линию творческих исканий. А это, несомненно, в белорусской литературе 20-30х гг. тоже могло влиять на отношение к шолоховскому опыту. И сейчас, прежде всего с точки зрения перспективности, для нас представляют интерес имевшие место аспекты и формы размежевания, полемики с ним.

Трагический и героический период Великой Отечественной войны поставил перед ответственнейшими испытаниями советскую литературу. Белорусские писатели внесли значительный вклад в "науку ненависти" к завоевателям, науку борьбы и Победы. Наряду с их словом живой отклик в сердцах белорусов находило и слово Шолохова. Имеется ряд свидетельств, показывающих огромное значение для наших воинов и партизан статей, очерков, рассказов Шолохова, написанных во время войны, а также и произведений, созданных ранее, особенно "Тихого Дона". Примером явился Шолохов для молодых литераторов-белорусов, взявших за перо в этот период.

Особо значительной, на наш взгляд, была роль шолоховского опыта второй половины 40-х и первой половины 50-х годов. Трудно переоценить в этом плане выступления М. А. Шолохова на XX съезде писателей СССР и на XX съезде КПСС. Однако и ранее, на протяжении всего отмеченного периода действовал пример автора "Тихого Дона" и "Поднятой целины", пример воплощенных в этих произведениях правдивости, принципиальности, аналитического подхода к истории и современности. Безусловно, оценка восприятия примера Шолохова каждый раз тоже требует должной меры историзма.

В связи с этим весьма интересно для нас признание *Ивана Шамякина* - одного из самых известных сейчас белорусских прозаиков как он лично воспринимал "Тихий Дон":

"Первая книга романа попала ко мне еще в детстве, когда я окончил шестой класс... Та первая встреча с Шолоховым так хорошо запомнилась, может, потому, что восприятие и событий, и героев было несколько странным: ни одна книга до того меня так не смешила...

Вторую и третью книги я прочитал, будучи уже студентом техникума... "Тихий Дон" открыл мне такие факты и детали истории революции и гражданской войны, о которых ни из каких учебников того времени узнать было невозможно... А еще меня захватила революционная романтика эпопеи...

В горячие дни лета 42-го года... Именно тогда я впервые прочитал великую трагедию - народа, героя, которую не мог осмыслить ранее, в своей юношеской романтической восторженности"².

² Шамякін І. Перачытваючы "Ціхі Дон" // Польша. 1975. № 5. Д. 226.

Процитированные воспоминания несут, вроде бы, оценку возрастного восприятия романа Шолохова. А вместе с тем, каждый из этапов, отмеченных И. Шамякиным, имеет и определенную обусловленность более широкого плана. Не случайно же советское шолоховедение в эволюции подхода к "Тихому Дону" прошло примерно те же ступени - достаточно вспомнить, как выделялись критиками то "бытописательство" и "региональность", то "недостаточное внимание к образам коммунистов" то "исторические заблуждения" Григория Мелехова.

В этом плане существенно также, что критика и литературоведение более всего придавали значение действительности примера Шолохова как автора "Поднятой целины", причем, имея в виду лишь первую книгу, и проводили параллели с произведениями национальных литератур, появившимися в 40-50-е годы. Что ж, нельзя отрицать правомерность такого взгляда в принципе. Однако он как правило ограничивался *тематическим - производственным - аспектом*, сужая значение шолоховского романа, который значим прежде всего глубиной и правдивостью осмысления внутренних противоречий сельского общества, особенностей души земледельца-хозяина, диалектики натуры собственника при переходе от частной формы собственности к коллективной.

Как раз это в должной степени критиками и литературоведами своевременно не было оценено. Упускалось на протяжении известного времени и писателями. Да, в 50-е годы реальность заставила (естественно, на ином, обусловленном новым временем, уровне) вернуться к вопросам: *кто он - советский земледелец*, как он может и как должен хозяйствовать на земле, какую целину он поднял, а какую надлежит еще поднимать, что он приобретает, а что обязан сохранять как наследство, накопленное за многие века предками? Ответы на эти вопросы находились как в дне текущем, так и в прошлом. Искать их принялись сначала публицисты, затем представители течения, получившего не во всем удачное определение "лирическая проза", а позднее, как, в известном смысле, синтез - мощная *школа аналитической прозы*, тоже утрированно незванная "деревенской", а давшая высокие образцы современной русской литературы. Без сомнения, на указанный процесс воздействовали по своему "Поднятая целина" и, не менее, "Тихий Дон", что в значительной мере отразилось на белорусской литературе, "деревенской" преимущественно по своей природе, традициям и основным устремлениям рассматриваемого периода. Художественные открытия М. А. Шолохова стимулировали утверждение эпических жанров. И, не забывая о специфических жанрово-стилевых тенденциях советской прозы 40-50-х годов, подчеркнем, что они способствовали изменению самих представлений об эпичности в теории искусства и соответственно меняли ее характер в литературной практике.

Велика также роль творческого опыта М. А. Шолохова в развитии литературы о Великой Отечественной войне. Значительной вехой, ознаменовавшей существенный поворот в осмыслении войны, судьбы человека и народа в неизмеримо драматических условиях, стала "Судьба человека". Высоким ориентиром, на который невозможно не оглядываться тем, кто пишет о войне, остается "Тихий Дон". Так или иначе, и до сих пор можно услышать: *равного "Тихому Дону" произведения пока нет*. Что имеет отношение ко всем литературам народов бывшего СССР.

Чтобы рассмотреть конкретные формы и аспекты восприятия опыта Шолохова белорусской литературой, обратимся к мнениям самих ее представителей. Надо отметить, что в разное время со статьями и речами о М.А. Шолохове выступали такие писатели республики, как *В. Адамчик, А. Асипенко, П. Бровка, В. Быков, М. Гамолка, С. Гаврусев, В. Гигевич, И. Грамович, Л. Дайнека, Г. Далидович, В. Дамашевич, И. Мележ, И. Науменко, А. Карпюк, В. Караткевич, А. Кудравец, А. Кулаковский, Х. Лялько, Р. Соболенко, В. Хомченко, И. Чигринов, И. Шамякин и В. Юревич*.

В их (представителей разных поколений, различных жанров) выступлениях неизменно отмечалось: писатель ярко русский, советский по проблемам, по всему строю своему, *Шолохов в то же время принадлежит мировой литературе. Один из крупнейших художников современности, он, безусловно, писатель мирового значения и мирового влияния*.

Как важные для нас свидетельства приведем следующие: "Шолохов оказал сильное и очень полезное влияние на многих белорусских прозаиков"³ (И. Мележ); "Шолоховское творчество - родник мастерства для каждого писателя, живой пример, значение которого растет с годами. Можно писать не одно исследование о влиянии Шолохова на развитие национальных литератур"⁴ (И. Шамякин); "Нет такой национальной литературы в нашей стране, которая разошлась бы с Шолоховым... Он, можно сказать, учитель нашей литературы, и хотя он глубоконациональный, он и наш, белорусский, он писатель всех народов..."⁵ (Р. Соболенко); "Наша белорусская советская литература крепла, расправляла молодые крылья под его влиянием, которое трудно переоценить"⁶ (Л. Дайнека); "Михаил Шолохов, его творчество оказывали и оказывают большое влияние на литературный процесс как в нашей стране, так и за рубежом. Вполне закономерно, что белорусская проза наби-

³ Мележ І. Збор твораў у 10 т. // Мінск: Мастацкая літаратура. 1979 - 1985. Т.9. 1984. С. 476.

⁴ Польша. 1975. № 5. С. 228.

⁵ Звезда. 23.05.1965. С. 2.

⁶ Польша. 1980. № 6. С. 226.

рала сил под непосредственным воздействием русской прозы, и в частности произведений Михаила Александровича Шолохова"⁷ (М. Гамолка).

Между тем, о связи своего творчества с шолоховским опытом белорусские писатели, как правило, не высказывались.

Что ж, это объяснимо рядом причин: в литературоведческом обиходе нередко взаимозаменяемость, да и просто путаница неравнозначных понятий "воздействие", "связь", "влияние", "зависимость", "восприятие традиций", "ученичество" и т.п., вследствие чего при анализе связи с предшественником или старшим современником заслоняются творческие черты и даже вся личность последователя, младшего. Тогда закономерно вступают в действие рефлексы защиты, самоутверждения, тем более, что это касается психологии творчества, сферы, в которой, как правило, самому непросто объяснить все механизмы связи - ее логику, формы, аспекты - когда она зачастую осуществляется опосредованно и даже подсознательно.

Уточним, нас интересует в основном то, что может квалифицироваться как творческое усвоение и развитие опыта, существование шолоховской традиции как окрыляющего примера и катализатора творческого процесса.

Остановимся на одном из фактов такого плана. Сразу же после появления романа И. Мележа "Люди на болоте" критика начала связывать это произведение с шолоховской традицией. Вторая часть ("Дыхание грозы") еще более усилила внимание к вероятности такой связи, и с того времени едва ли не в каждой публикации, посвященной традициям автора "Поднятой целины", отмечается влияние Шолохова на Мележа. Собственно, попросту лишь упоминается, так как за внимательный анализ никто (исключая разве *А. Хватова*, автора монографии "На стрежне века") не брался.

Соотнести творчество И. Мележа с творчеством М. Шолохова основания, конечно, есть. И кое-что из внешних признаков при первом знакомстве с романами "Полесской хроники" наталкивает на сравнение с "Поднятой целиной", а далее - на поиск прямой контактной связи между писателями.

Но так ли все просто? Отнюдь. Приобщение И. Мележа к той линии в советском искусстве слова, которую обозначили творческие открытия М. Шолохова, имело значительную историю и многообразные формы, что подтверждает анализ его дневников, записных книжек, заметок разных лет, изданных (к сожалению, не в полном объеме) только составителями собрания сочинений⁸.

Судьба распорядилась так, что молодой воин и начинающий литератор Иван Мележ во время Великой Отечественной войны

⁷ Настаўніцкая газета. 24.05.1975. С. 4.

⁸ Види: Мележ І. Збор твораў у 10 т. Т.9.

попал в родной край широко известного и почитаемого писателя Михаила Шолохова. В Ростове он чуть не погиб, получил тяжелое ранение, перенес сложную операцию и там же, в госпитале, прочитал (надо полагать, впервые) четвертую книгу "Тихого Дона". Вот что находим в его дневниковой записи от 10 июля 1942 года: "Книга очень волновала. Вспоминался Каменск (В Каменске И. П. Мележ с 20 февраля по 8 мая находился на курсах младших политруков - И. Ч.), где я бы так близко от тех мест, в которых жили герои книги. Я будто снова ходил по родной теперь, такой знакомой степи. И как бы снова дышал её насыщенным ветром и травами, воздухом. И вместе с этим я вспоминал Глинище (родную свою деревню - И. Ч.): жизнь на Дону казалась такой похожей на нашу. А война и память о том, что моя родина и родня там, за фронтом, придавали чтению моему горечь и остроту переживаний.

Чудесная книга. И сейчас живу под ее впечатлением"⁹.

Не злоупотребляя комментариями, отметим только: произошло не просто знакомство с произведением, а многоуровневое, многоаспектное приобщение к шолоховскому искусству. И существенным является не только эстетическое воздействие, эмоциональное впечатление, а неотделимая сопряженность с жизнью - прошлой и настоящей.

Интересно, что в записи, сделанной вскоре после этого (6 августа) есть следующее: "Моя записная книжка пополняется понемногу. Я начал записывать также рассказы Володи Синюкова. И кроме всего, я задумал рассказ."¹⁰

Непосредственно связывать начало литературного творчества Мележа с указанным, конечно, не стоит. До этого он учился в МИФЛИ, еще до войны начал и на фронте продолжал писать стихи. Вместе с тем, есть основания считать, что приобщение к мастерству Шолохова повлияло на развитие литературных интересов и обусловило обращение к прозе. Кстати, читая упомянутые "рассказы Володи Синюкова" и другие в то же время сделанные наброски ("Водопьянов", "Алеша", "Непейвода", "На том берегу", "Минута"), можно заметить тяготеющий к Шолоховским принцип выбора фактор, коллизий, характеров. Симптоматична и такая запись, сделанная вскоре: "Ничего не получается, хоть кричи!.. (это о стихах - И. Ч.). А вообще я, наверно, буду писать прозу"¹¹.

Нельзя не упомянуть, что во время войны контакт Мележа с творчеством Шолохова продолжался. Имело место даже какое-то удивительное стечение обстоятельств. Находясь на лечении в Тбилиси, он однажды, попав в гости, получает в подарок три книги

⁹ Исто. С. 66.

¹⁰ Исто. С. 73.

¹¹ Исто. С. 80.

"Тихого Дона". Вот как это засвидетельствовано в дневнике 9 сентября: "Неожиданно я увидел на этажерке "Тихий Дон" Шолохова. Целые три книги. С завистью, что здесь такое богатство, рассматривал. Галя, наверно, заметила, как блестели мои глаза, когда я рассматривал эти бесценные книжки, и неожиданно расщедрилась, подарила их мне!

У меня теперь в тумбочке целое богатство!"¹².

Идя от процитированных материалов, не терпится седлать вывод, что, *приобщившись в исключительных условиях к искусству Шолохова, Мележ глубоко увлекся и проникся им, в результате чего стал писателем шолоховского склада*. Тем более, что и в позднейших записях, отражающих творческую программу белорусского писателя, имя Шолохова встречается неоднократно. Например: "Живопись повествованием. Писать красками, чтобы переливались (как у Державина), горели, передавать звуки, чтобы говорили (у Шолохова)" - запись 1945 года¹³; "Думал о литературе - вообще... Литература XIX в. - вершина, не достигнутая сейчас в XX в.... *Никого вровень с Толстым, Достоевским, Некрасовым, с Писаревым. Только "Тихий Дон" разве*" - записано 8. XII. 1971¹⁴. Кроме того, о влиянии Шолохова могли бы косвенно свидетельствовать и замыслы Мележа. Скажем, тот, что зафиксирован еще в 1947 году: "Написать большую вещь (когда-нибудь) о том, как менялась и ломалась психика белорусского крестьянина с 1914 года до нашего дня. Прожиты страшно жестокие, ломающие годы. Этапы - 1914, 1917, 1921, 1926, 1930, 1937, 1941, 1945 г. Идти недалеко за образами - взять жизнь отца или матери. Очень важная тема"¹⁵.

Однако учитывать только это - значит, упрощать проблему. Творческий путь И. П. Мележа был своеобразным и далеко не таким простым, как вытекает из указанной цепи фактов. На примере его произведений 40-х и 50-х годов трудно говорить о присутствии того, что обычно именуется шолоховскими традициями. И этому были как объективные, так и субъективные причины. Из объективных наиболее существенным являлось, надо полагать, то, что, молодой писатель еще не мог, не имел сил преодолеть инерции общей линии развития литературы той поры. А из субъективных - "боязнь простоты", по определению и признанию самого И. П. Мележа, равно как и "нежелание быть подобным на кого-то", что верно отметил критик А. Адамович.

Естественно, белорусский писатель должен был выверить все разумом, сердцем и пером сам.

¹² Исто. С. 86.

¹³ Исто. С. 240.

¹⁴ Исто. С. 318.

¹⁵ Исто. С. 253.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: Мележ, как известно, много раз выступал и устно и в печати со своими суждениями о роли М. А. Шолохова, о значении его творчества. При всем этом, когда журнал "Молодая гвардия" в 1975 году попросил его ответить на анкету, конкретный вопрос "Какое влияние на Вашу писательскую судьбу оказало творчество Шолохова?" остался без ответа.

Почему? Возможно, просто из-за неприятия лобового вопроса - мол, со стороны виднее. Может, кроме того, считал, что это известно по его прежним выступлениям; нельзя исключить также, что, в понимании Мележа, данный вопрос не так прост, чтобы на него отвечать походя.

Разобраться в истинном положении вещей помогают другие материалы. К примеру, текст "О Шолохове", впервые опубликованный в собрании сочинений и содержащий вот какую мысль: "Продолжение традиций в литературе само по себе дело непростое. Для серьезного художника оно всегда связано с поисками нового, предполагает многие и нелегкие самостоятельные решения. Только в таком случае могут быть созданы подлинные ценности. Только таким образом, в сущности, и можно по-настоящему продолжить традиции"¹⁶. Примечательно, что данный текст имеет одинаковый заголовок с тем, который предложен "Молодой гвардии" (правда, так же озаглавлена и публикация в ет журнале "Волга"), примерно одинаков объем, что позволяет нам высказать предположение: не варианты ли это одного материала? Кстати, в комментарии от составителя данного тома собрания сочинений указывается, что текст имеет сверху слева надпись от руки: "Вариант 2", к тому же сохранился и вариант 1. Соответственно, не третий ли вариант подготовлен для "Молодой гвардии"?

В любом случае, мы имеем право рассматривать отношении И. П. Мележа к шолоховским традициям в соответствии с процитированным его мнением, учитывая также и следующее: в выступлении на VII съезде писателей БССР он отметил: "Союз писателей - это союз мастеров. И здесь главное пример мастера. И в этом счастье наше, основа высокого движения литературы"¹⁷. Первым, кстати, мастером, чей пример важен, Мележ назвал М. А. Шолохова. В другом выступлении (на своем юбилейном вечере в 1971 году) он, к тому же, признавался: "Я шел по паханному полю, но я считал нужным продолжить, если смогу, новую, более глубокую борозду"¹⁸.

Важно проследить, что И. П. Мележ считает в творчестве М.А. Шолохова наиболее существенным, значительным, своеобразным,

¹⁶ Исто. С. 478.

¹⁷ Исто. С. 510.

¹⁸ Исто. С. 466.

и сравнить, как это же проявляется у него самого. Наиболее важным подходящим для такого рассмотрения нам представляется текст выступления Мележа на торжественном вечере, посвященном 70-летию со дня рождения М. А. Шолохова, в Минске, 22 мая 1975 года, напечатанный, кстати, перед тем в журнале "Новый мир" (1975, № 3).

Начав с того, как чувствует себя каждый, кто берется говорить о Шолохове, "великом писателе, страстном художнике, удивительном мастере", свое выступление И. П. Мележ называет "несколькими отдельными, читательскими мыслями" и первую из них, направленную на то, чтобы осмыслить величие и необъятность шолоховского художественного мира, формулирует так: "... Какой бы талант ни был дарован, каким бы большим он ни был, чтобы осуществился художник, нужен труд... Великого художника создает, думается, великий труд". И далее идет основательная характеристика, с указанием на сосредоточенность, необыкновенную самоотверженность, требовательность к себе, "целенаправленную принципиальность в его отношениях к жизни и литературе, непоколебимость в защите своих убеждений"¹⁹.

А не это ли отмечают и все, кто знал И. П. Мележа, у него самого? Разве не то же самое значат его роль и место в литературном процессе Белоруссии, его творческое наследие?

Характеризуя созданное великим талантом и великим трудом Шолохова, Мележ выделяет масштаб "правды и жизни и страсти художника" - то, что"! ... в огромных, полных противоречивого движения фресках его нет не только ни одной фальшивой ситуации, ошибочного тона, но и небрежно, неточно брошенной хотя бы какой-то краски"²⁰.

И это полностью может быть отнесено к самому автору "Полесской хроники" - произведения, масштабами, глубиной и правдивостью которого по праву гордится белорусская культура.

Большой смысл в рассуждениях И. П. Мележа имеет полемическое упоминание о тех, кто в наше время уверяет, "... будто движение истории и бытие народное можно прекрасно выразить и через одногно человека и что, надо полагать, время эпопей отошло в прошлое"²¹. Нет сомнения, это не только попытка разобраться в сущности шолоховских творческих достижений, но одновременно и декларация собственных творческих принципов: настоящий художник должен выражать *движение истории и бытие народное*, и потому нужны эпические поризведения - такие, которые приобретают свойства эпопеи не по объему написанного, а по "способности

¹⁹ Исто. С. 470-476.

²⁰ Исто. С. 471.

²¹ Исто. С. 471.

видеть далеко и широко, очень хорошо понимать временное, неустойчивое и надежное, мощное, видеть движение жизни в истинной его сущности"²². Определяя содержание и значение творчества Шолохова, Мележ большое внимание уделяет народному и национальному: "Каждый писатель - сын своего народа, и значение его в конце концов определяется тем, как он показывает свой народ миру, что он говорит миру от имени своего народа... Мне думается, в современной литературе никто иной не сказал с такой глубиной, такой проникновенностью, такой художественной силой, кто есть русский народ. Что есть его, народа, щедро политая потом и кровью земля, его в страданиях и радостях жизнь, его тяжкая, но великая история"²³.

Здесь также передано кредо самого Мележа. Достаточно сравнить с приведенными другие его же высказывания. Например: "В жизнеописании народа не может быть не написанных, недописанных или приблизительно написанных страниц"²⁴; "Я не мог писать больше ни о чем до тех пор, пока не расскажу об этой жизни, об этих людях... кроме чувства любви и понимания долга, меня вело и сильное убеждение, что жизнь этих людей важна тем, что она - жизнь моего народа"²⁵. И тогда оценку, которая дается Шолохову, со всей емкостью и полнотой можно переадресовать выдающемуся сыну и певцу белорусского народа.

Разумеется, чтобы выявить реальную степень воздействия Шолохова на Мележа, необходим также основательный сравнительный анализ произведений обоих писателей, конкретное выявление общего, близкого и подобного в них.

Замысел, жанр и соответствующий им объем данной публикации избавляет нас от претензии на основательность рассмотрения этого аспекта, однако некоторые моменты мы все-таки попробуем отметить.

На наш взгляд, уместно сравнение многих произведений: написанного Шолоховым во время войны и "Они сражались за Родину" с мележевскими очерками, рассказами и "Минским направлением"; в определенном смысле можно провести параллель между рассказами "В горах дожди" и "Жеребенком"... Но дело не в расплывчатом "можно", а в действительных связях - многоаспектных, существенных. И потому особо серьезного внимания заслуживает "Полесская хроника" в ее соотносимости с "Тихим Доном" и "Поднятой целиной".

Шолохова и Мележа роднит тесная связь с "малой родиной", глубокое уважение к своим землякам, искренняя озабоченность их

²² Исто. С. 473.

²³ Исто. С. 475.

²⁴ Исто. С. 466.

²⁵ Исто. С. 469.

проблемами. Без преувеличения можно утверждать, что Шолохов открывал миру Дон, а Мележ - Полесье. И в одном и в другом случае об открытиях можно говорить по масштабам отражения ими обоими сложного, сурового, полного больших проблем и драматизма, бытия, так и по результатам - последовательной "демифологизации" привычного представления о донских казаках и белорусах-полешуках. У обоих писателей сравниваемые произведения выражают общие концепции: история народа создается самим народом, но обязательно обмывается кровью и семью потоми, включает страшные муки и противоречия.

Непосредственно с этим связана и важнейшая общая черта стиля, эпичность, и обусловленная ею художественная методология, в целом - масштабность видения, мышления, стремление как можно глубже захватит жизнь народа, исследовать его не по какой-то заданной схеме, а во всех реальных проявлениях, при их органичном сочетании, в естественном движении. Причем могучее течение жизни воспринимается не глазами постороннего наблюдателя, а самих участников, определяя шире, самого народа. Отсюда и подчиненность народному мировосприятию, и многоаспектная связь с народной художественной системой. Эпичность Мележа, как и Шолохова, - это не только объективное описание, но и объективный анализ, целостное воплощение состояния и действия, внешнего и внутреннего, коллективного и индивидуального, природного и социального.

Если вычленять отдельные, близкие шолоховским, особенности творческой манеры Мележа следует прежде всего остановиться на своеобразии концепции личности, трактовки народного характера.

Вот что отмечал автор "Полесской хроники" в одной из бесед с критиком А. Гардицким: "... Пришло желание написать книгу... героем которой был бы народ, *люди, которых почему-то называют простыми*"²⁶. (подчеркнуто мною - И. Ч.). А это, на наш взгляд, является и весьма существенным свойством концепции автора "Тихого Дона", случайно в аналогичной беседе обратившего внимание на такой фактор, как "очарование человека"²⁷.

Особого внимания требует сопоставление поэтики Мележа и Шолохова, конкретно: особенности портрета, полуфункциональность пейзажа, роль художественной детали, соотношение конкретного и символического. Несомненно перспективным является изучение языка обоих писателей, использование ими диалектной формы наряду с литературной как в речи героев, так и в авторском повествовании.

²⁶ Гардзіцкі А. Дыялогі. Мн; 1968. С. 29.

²⁷ Крупин В. В гостях у Шолохова. // Советская Россия. 25.08.1957.

Отмеченное (а, естественно, многое осталось и неотмеченным) уже позволяет более конкретно сопрягать идейные и эстетические искания И. П. Мележа с шолоховским опытом и традициями.

Однако "поле притяжения" М. А. Шолохова чрезвычайно широко и мощно. Его, бесспорно, ощутили и многие другие белорусские писатели.

Хотя на первый взгляд это может показаться не совсем правомерным, стоит внимательно рассмотреть, что общего имеют Михаил Шолохов и *Василь Быков*.

В творческой манере, в жанрово-структурных особенностях их произведений очевидных, внешне определенно выраженных, признаков нет.

Немного сходства, вроде бы, таких явных контактов, как в случае с Иваном Мележем, ни на жизненном, ни на творческом пути. За исключением некрологического слова мы не знаем даже высказываний Быкова о Шолохове. Тем не менее, уроки шолоховского гения определенно влияли на формирование личности Быкова-писателя.

Нельзя, скажем, не учитывать обстоятельство, что Быков начинает свою творческую деятельность как раз в той ситуации, когда существенным фактором развития советской культуры в выражении требований времени и упрочения самосознания советского народа становится шолоховская традиция и его личный пример, когда рождается так называемая "вторая волна" литературы о войне, наиболее значительные особенности которой - аналитичность, достоверность, глубина, ориентированность на ответственный историзм - и суждено было воплотить Быкову.

Нуждается в осмыслении также и следующее. Мы довольно часто пользуемся сентенцией: "Писатель всю жизнь пишет одну книгу". И обычно делаем натяжку. А вот по отношению к Быкову ничего не нужно "натягивать", равно как и по отношению к Шолохову.

В произведениях Василя Быкова критики выделяют - как некий "опознавательный знак" - необычность, предельную напряженность экстремальность ситуации, которыми проверяется герой. А разве не экстремальными условиями проверяются характеры Бодягина, Шибалка, Микишары, Григория Мелехова, Кривошлыкова, Бунчука, Анны Погудко, Макара Нагульнова, Виктора Герасимова, Андрея Соколова?

П. Проскурин справедливо назвал М. А. Шолохова "художником, призванным бесстрашно отразить свой век в его главных болевых проявлениях"²⁸. В том же смысле "призванным" без преувеличения следует назвать и В. Быкова - его творческие искания

²⁸ Проскурин П. Постигание века. // В сб.: Могучий талант. М., 1981. С. 45.

сосредоточены на войне как "главном болевом проявлении" нашей эпохи настолько, что это даже вызвало упреки в "повторении", "топтании на месте" и т.п. Не имея цели полемизировать здесь с авторами упомянутых выводов, отметим только: *сконцентрированность Быкова на событиях войны объективно отражает насущные потребности нашего общественного сознания и не решенные до конца задачи литературы.*

Чтобы указать на родственность идейно-эстетических позиций этих двух художников слова, обратимся к высказываниям, в которых декларируются их творческие пристрастия: "Я интересуюсь людьми, захваченными этими социальными и национальными катаклизмами. Мне кажется, что в эти моменты их характеры кристаллизуются"²⁹. (М. Шолохов) и "Получилось так, что я привык свои идеи, часто общечеловеческого плана, решать на материале войны. Наверно, это потому, что прошлая война всеохватная, и там всему было места"³⁰ (В. Быков). Как видно, близким для обоих писателей является то, что они интересуются сложными периодами истории не столько из-за событийного содержания, сколько из-за концентрации в них многочисленных "всеохватных" проблем и "кристаллизации" человеческих характеров. И в одном, и в другом случае это означает тяготение к эпосе.

Что касается творческого наследия М. А. Шолохова, особенно его "Тихого Дона", здесь, все, вроде, ясно. А вот при рассмотрении творчества В. В. Быкова критики выделяют, как правило, его сосредоточенность на фактах и событиях отдельных, локализованных в пространстве и времени. И действительно, в произведениях Быкова - преимущественно повестях - нет непосредственного описания всех связей того или иного явления с предыдущими и последующими, нет панорамы событий, а иногда даже подробных биографий героев. Но это все-таки не отрицает наличия у белорусского писателя широкого эпического взгляда. *Эпичность Быкова - в создаваемых им характерах, которые с полным правом могут называться "барометрами" эпохи, фиксирующими состояние всей "атмосферы" бытия.* И в этом, думается, одна из самых важных точек соприкосновения с традицией Шолохова.

На наш взгляд, при сравнении творчества Быкова и Шолохова следует избегать абсолютизации тех отличий, которые обнаруживаются с первого взгляда. Ибо они по сути выражают одни и те же устремления. К примеру, постоянно подчеркиваемая у Быкова заостренность анализа бытия вполне сходится с глубокой анали-

²⁹ Цит. по.: Хватов А. Шолохов в художественных исканиях современности // Наш современник. 1984. № 4. С. 171.

³⁰ Цит. по.: Адамовіч А. На бестэрміновай перадавай.// Быкаў. В. Выбраныя творы у 2 тамах. Мн., 1974. Т. 1. С.5.

тичностью, а вместе с тем и полемичностью, концепции автора "Тихого Дона", "Судьбы человека".

Особый интерес в данном плане представляет повесть В. Быкова "Знак беды". Она, пожалуй, наиболее четко отразила все те координаты, в которых белорусский писатель с самого начала ведет свои творческие поиски, создает свою модель мира и человека. После "Знака беды" мы получили возможность глубже осмыслить творческий путь писателя и через воплощенные этим произведением эпические типы увидеть большее в героях прежних повестей и рассказов. Поверхностным чтением здесь не обойтись. И от читателя, и от исследователей требуются усилия, соответствующие тем, которые вложил автор. А основным, объектом внимания, вероятно, должно оставаться то "быковское", что идет от "Журавлиного крика" и "Измены", "Сотникова" и "Обелиска", "Мертвым не больно" и "Дожить до рассвета", а также рассказов "Родственники", "Одна ночь" и др.

Вряд ли столь существенное значение (во всяком случае, в той мере, как это начали подчеркивать) имеет выход писателя на более широкое пространство и время. Главными-таки остаются, приобретая большую (иную) акцентировку, признаки прежние: *при- сущая Быкову неординарность сюжета дает еще более неожиданные ситуации "быть или не быть"; соотнесение непохожих характеров выводится на самые разные уровни действия; взаимо- проникновение объективно-исторического и субъективного начал в повествовании еще усиливается и создает мощный эффект обобщения; художественные детали получают более широкую семантику, становятся даже символическими; многозначность характеризует и пейзаж...*

При постановке вопроса об эпичности Быкова наиболее неоднозначными могут быть оценки жанровых форм его произведений. Но здесь представляется уместной параллель с "Судьбой человека" Шолохова. Идя от традиционных критериев, ее определяли как рассказ. Однако замечалось явное несоответствие идейно-художественного содержания этого произведения и такой жанровой дефиниции, потому и стали употребляться определения комбинированные: рассказ-драма, рассказ-судьба, житийный рассказ, маленький роман, роман в форме рассказа и, наконец, рассказ - эпопея, малая эпопея, "эпопея, сжатая до новеллы, или новелла, духовной своей сутью сопричастная эпопее" (А. Бритиков)³¹. Приняв последнее, мы с не меньшим правом многие повести В. Быкова, а "Знак беды" прежде всего, можем назвать сопричастными эпопее. И по многим параметрам близкими шолоховской традиции. Схождения

³¹ Бритиков А. Судьбы народные, судьбы человеческие. // Русская литература. 1959. № I. С. 73.

с Шолоховым у Быкова проявляются в различных аспектах - идейном, концептуальном, тематическом, структурно-коллизийном. Сопоставление, проведенное нами, прежде всего имело целью указать на связь, которая носит внешне малозаметный характер.

Воздействие Шолохова отмечалось - пусть не всегда аргументированно - в ряде выступлений самих писателей-белорусов. *Л. Дайнека*, например, указывал: "Мне думается, что у мележевской Ганны есть что-то от донской казачки Аксиньи... Андрей Соколов... - духовный брат героев Василия Быкова. Лично меня Шолохов вдохновил на написание дилогии об Октябре и гражданской войне в Белоруссии..."³². *М. Гамолка*, утверждая, что "белорусская проза набиралась сил под непосредственным воздействием русской прозы, и в частности произведений Михаила Александровича Шолохова", уточнял: "Это легко подтверждается при знакомстве с творчеством Кузьмы Чорного, Якуба Коласа, Михаса Лынькова. Но наиболее близко стал к своему учителю, мне кажется, Иван Мележ... Плодотворно разрабатывают и берут в наследство традиции М. Шолохова и другие белорусские писатели, в частности *И. Шамякин, В. Быков, М. Лобан, Я. Брыль, А. Адамович*"³³.

Ставя под сомнение авторскую категоричность относительно того, что "это легко подтверждается", мы тем не менее тоже считаем необходимым и важным изучение творчества М. А. Шолохова как фактора развития белорусской литературы на максимально широком материале, в самых различных планах.

³² Польша. 1980. № 6. С. 226.

³³ Настаўніцкая газета. 24.05.1975. С. 4.

Проф. др Иван Чарота

ШОЛОХОВ И БЕЛОРУСКА КЊИЖЕВНОСТ

(Резиме)

Велики писци не припадају само матичној књижевности, већ и светској - *рецепцијом* дела у култури других народа и *утицајем* на развитак њихових литература. Том реду уметника припада и Шолохов.

Аутор овог рада бави се питањем рецепције и утицаја творца "Тихог Дона" на белоруску књижевност и културу, и сматра да је појава сваког Шолоховљевог дела био изузетан догађај у белоруском књижевном и културном животу. Тиме он објашњава што је "Узорана ледина" од 1934. до 1936. доживела три издања на белоруском језику. Године 1936. познати песник В. Ходинка превео је прва три дела "Тихог Дона". "Судбину човекову" превео је Ј. Ша-раховски, М. Последович "Они су се борили за отаџбину", а "Донске приче" Л. Соловеј, Г. Клевко и С. Михаљчук.

Напоредо с превођењем, извођене су драматизације Шолоховљевих дела на сценама белоруских позоришта.

Аутор прилога констатује да се од друге половине двадесетих година XX века у делима белоруских прозаиста запажа низ сижејних ситуација, конфликта и ликова који подсећају на упознате у Шолоховљевом стваралаштву. На пример, приповетка М. Зарецког "Двоје Жвировских" (1926), "Друг Куњегин" А. Дудара (1927), нарочито "Две стазе" П. Головича (1927), која је и темом и развојем радње готово идентична Шолоховљевој приповеци "Белег".

Шолоховљевом моделу одраза револуционарних промена на селу веома су блиска дела "Међ" С. Баранова, "Јазеп Крушински" З. Бјадуде, "Узбуна у торовима" и "Године" П. Головача, "Отпадник" Јакуба Коласа. Сва поменута дела могу се доводити у везу са Шолоховљевим стваралаштвом и тематиком, и ауторском позицијом у третману проблематике. Исто тако приметна је сродност са поетиком Шолохова дела Т. Тартног, Р. Мурашка, К. Чорног. Са овог аспекта значајна је оцена И. Шемјакина да је "Тихи Дон" открио такве податке о Октобарској револуцији и грађанском рату, који се нису могли наћи ни у једном уџбенику." Овим поводом аутор прилога са разлогом замера совјетској књижевној критици што је више афирмисала "Узорану ледину" него "Тихи Дон".

Када је трагични и херојски Отаџбински рат постао књижевна тема, Шолохов је "Човековом судбином" осмислио рат, зато је његова приповетка постала путоказ и белоруским писцима да дају свој прилог "науци мржње". Позивајући се на суд Л. Дејнеке, да је

"Белоруска књижевност ширила своја крила под Шолоховљевим утицајем, који је тешко преценити", аутор расправе стручно и веома брижљиво разматра ова књижевноисторијска питања. О томе сведочи разликовање видова и степена утицаја: подстицај, учење, уплив, епигонство.

У центру пажње ауторове су *Иван Мележ* и *Васиљ Биков*. На основу дневничких записа И. Мележа о утисцима од читања "Тихог Дона" у годинама рата, разматрања "Прича Волође Сињукова", романа "У мочвари" и посебно "Пољеска хроника", аутор закључује да је "Уметност М. Шолохова, упозната у изузетним околностима, дубоко прожела Мележа који је постао писац шолоховског типа". Ипак, аутор с разлогом додаје да остати на том суду значило би поједноставити проблем, јер "Мележов стваралачки пут био је самосвојан и нимало једноставан", зато што "сваки стваралац не жели да личи на другог", већ тежи да "нађе самостална решења. Само тако могу бити створене нове вредности."

Други белоруски писац, кога аутор сагледа у орбити Шолоховљеве теже, Биков, почео је стварати у време "другог таласа" књижевности о рату. Усвајајући оцену П. Проскурина да је "Шолохов уметник са мисијом да изрази свој век у његовим главним и болним проблемима и збивањима", аутор тврди да се то може рећи и о Бикову, "чија су стваралачка трагања усмерена на рат као најпотреснији догађај наше епохе". Заједничко са Шолоховом код Бикова је што су бирали драматичне периоде историје не толико због богатства садржаја колико зато што су у њима концентрисани свеобухватна проблематика живота и кристализација људских карактера. Последица тога је заједничка тенденција ка епопеји.